

ВЕРА, которая меняет мир:

История религий и их влияние
на человечество

ии
Родион Огневеров

Родион Огневеров

**Вера, которая меняет мир:
История религий и их
влияние на человечество**

«Автор»

2026

Огневеров Р.

Вера, которая меняет мир: История религий и их влияние на человечество / Р. Огневеров — «Автор», 2026

Почему религия меняет ход истории и влияет на повседневность — но для каждого значит своё? Понять её нельзя, просто перечислив верования и обряды: важно увидеть людей, их опыт и эпоху. «Вера, которая меняет мир» ведёт от доисторических практик и древних цивилизаций к религиям современности. Книга раскрывает разнообразие традиций Южной Азии, иудаизма, христианства, ислама, Китая, Африки, Америк и Океании; показывает, как тексты, ритуалы, общины и институты связаны с повседневной жизнью, искусством, наукой и властью. Вы научитесь отличать исторические свидетельства от предположений и видеть различия не только между религиями, но и внутри них. Для читателей, которые хотят разобраться в религии независимо от личных убеждений. Книга поможет понимать чужой опыт, увереннее ориентироваться в многообразии верований и говорить о сложных темах точно и уважительно. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Огневеров Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Что такое религия: вера, миф, ритуал и способы изучения	6
До письменности: истоки верований, обряды и культ предков	10
Боги первых цивилизаций: Месопотамия, Египет и античный мир	14
Религии Южной Азии: индуизм, джайнизм, буддизм и сикхизм	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Родион Огневеров
Вера, которая меняет мир: История
религий и их влияние на человечество
Вера, которая меняет мир: История религий и их влияние на человечество
Родион Огневеров

Что такое религия: вера, миф, ритуал и способы изучения

После лекции о религии люди задержались в коридоре. Разговор начался с простого вопроса: «А что религия значит для вас?»

Мариам ответила первой: «Разговор с Богом. Иногда — единственное место, где можно быть совершенно честной».

Алексей пожал плечами: «Я не уверен, что верю. Но каждый год иду пешком к монастырю вместе с отцом. Мы почти не разговариваем, и всё же это важно для нас обоих».

Даша, выросшая в буддийской семье, сказала: «Для меня это практика внимания, сострадания и работы с умом. Вопрос о Боге не главный».

Наконец, Ирина, историк и убеждённая неверующая, заметила: «Я бы назвала религией систему рассказов, обрядов и организаций, которая помогает людям понимать жизнь и жить вместе. Но сама я религиозной себя не считаю».

Все говорили об одном слове, но словно о разных предметах. Молитва, дорога, семейная память, учение, институт, личный опыт — что из этого и есть религия?

Один слон — и много точек зрения

Есть известная притча о слепых, которые ощупывают слона. Один касается бока и решает, что слон похож на стену; другой берёт хобот и говорит о змее; третий обхватывает ногу и настаивает, что перед ним колонна. Притча напоминает: наблюдатель может точно описать часть явления и всё же ошибиться, объявив эту часть целым.

С религией происходит похожее. Если смотреть только на убеждения, легко упустить людей, которые участвуют в обрядах, но сомневаются в догматах. Если изучать одни тексты, можно не заметить, как веру проживают в семье и повседневности. Если свести религию к общественной функции, исчезнет то, что сами верующие считают встречей со священным. А если говорить лишь о личном духовном опыте, останутся за кадром общины, власть и история.

Но у притчи есть важное ограничение. Религия — не обязательно один тайный «слон», о котором все говорят разными словами. Это ещё и историческое понятие с меняющимися границами. В одних культурах учение, обряд, семейная обязанность, лечение и устройство власти не отделены друг от друга так, как это принято в современном светском обществе. Поэтому универсальное определение не просто трудно подобрать: оно может навязать явлению чужую систему координат.

Это не значит, что религию невозможно изучать. Значит, полезнее начинать не с окончательного ответа, а с внимательного вопроса: что именно происходит здесь и сейчас — и что это значит для тех, кто участвует?

Вера, миф, ритуал

Слово «вера» часто понимают слишком узко: будто это согласие с перечнем утверждений о мире. Но вера может включать и доверие, и верность, и надежду, и практику, и чувство принадлежности. Один человек верит в Бога и регулярно молится; другой сомневается в учении, но считает себя частью религиозной общины. Третий не исповедует веру, но бережёт семейные обряды как связь с умершими и живыми. Такие различия не делают никого «недостаточно религиозным» автоматически. Они показывают, что слово охватывает несколько сторон опыта.

Не меньше путаницы вызывает слово «миф». В обычной речи мифом называют выдумку, противопоставляя её факту. В изучении религии миф — прежде всего значимый рассказ: о происхождении мира, людей, закона, народа или священного порядка. Он может объяснять, почему совершают обряд, как устроено время и какие обязанности связывают людей. Участники традиции могут понимать такой рассказ буквально, символически или сочетать оба про-

чтения. Задача исследователя — сначала выяснить, как его понимают сами люди, а не заранее объявлять его ложью или аллегорией.

Ритуал — действие, которому участники придают особое значение и которое совершается в узнаваемой форме: молитва, пост, посвящение, поминовение, паломничество. Ритуал обычно использует тело, слова, предметы и повторение. Люди зажигают свечу, склоняются, поют, молчат, делятся пищей или проходят определённый путь. Повторение помогает сохранять память и согласовывать действия группы; оно может поддерживать переживание скорби, благодарности или надежды. Но перечислить возможные эффекты — ещё не значит объяснить ритуал. Участник может сказать, что совершает его не ради психологического облегчения, а потому что такова его обязанность перед Богом, предками или общиной.

Понятие священного помогает описать то, что выделено из обычного и окружено особыми правилами, вниманием или почтением. Священным может быть место, текст, день, пища, имя или память. Это не обязательно значит «доброе» или «безопасное»: священное иногда вызывает не только утешение, но и трепет, страх, чувство запрета. И оно не всегда связано с верой в сверхъестественное. Важно выяснить, какие границы проводят сами участники и что, по их мнению, нарушается, когда эти границы переступают.

Наконец, религия существует не только в головах отдельных людей. Она живёт в общинах — отношениях между участниками, — а порой и в институтах: храмах, школах, монастырях, религиозных организациях, системах авторитета и правилах. Но община не обязательно едина, а институт не исчерпывает традицию. Люди спорят с духовными руководителями, по-разному читают тексты, меняют практики или вовсе не принадлежат к официальной организации. Поэтому нельзя принимать официальное учение за полное описание повседневной жизни — как нельзя считать поступок одного участника выражением всей религии.

Пять способов смотреть

Научные подходы предлагают разные фокусные расстояния. Ни один сам по себе не даёт всей картины.

Исторический подход спрашивает, когда и в каких обстоятельствах возникла практика, как менялись тексты, институты и толкования. Он помогает увидеть, что традиция не застыла в одном мгновении. Но источники часто сохраняют голос властных и образованных групп лучше, чем опыт детей, женщин, бедных людей или тех, кто не оставил письменных свидетельств.

Антропологический подход изучает религию в повседневной жизни: наблюдает за обрядами, слушает участников, выясняет, как смысл воплощается в жестах, отношениях и местах. Он напоминает, что религия — не только то, что люди говорят о ней, но и то, что они делают. Однако исследователь должен остерегаться превращать чужую жизнь в экзотическое зрелище или считать собственные привычки «нормой», а чужие — странностью.

Социологический подход рассматривает общины, институты, власть, образование, социальную поддержку и конфликты. Он помогает понять, как религия формирует чувство «мы», передаёт нормы и участвует в общественной жизни. Но если видеть в вере только средство сплочения или контроля, легко не услышать, что сами люди говорят о Боге, истине и личной ответственности.

Философский подход задаёт вопросы о знании, смысле, свободе, добре, страдании и существовании Бога. Он позволяет различать аргументы и уточнять понятия. Но философский спор о том, истинно ли некоторое учение, не заменяет изучения того, как конкретные люди живут с этим учением.

Сравнительный подход сопоставляет традиции и помогает увидеть сходства и различия: например, в представлениях о смерти, очищении или паломничестве. Его опасность — принять внешнее сходство за одинаковый смысл. Два обряда могут включать воду, но вода в них будет связана с разными историями, обязанностями и представлениями о человеке.

Определения религии тоже обычно подчёркивают что-то одно. Одни ищут её в вере в богов, духов или сверхъестественное; другие — в том, как она поддерживает общественный порядок и отвечает на вопросы о смысле; третьи сосредоточены на символах, ритуалах и опыте священного. Каждое определение что-то проясняет и что-то оставляет в тени. Например, определение только через веру в единого Бога плохо описывает некоторые буддийские традиции, а определение только через общую мораль не объясняет, почему моральные убеждения сами по себе не всегда называют религией.

Для начала можно пользоваться не строгой формулой, а рабочей картой: религия — это переплетение рассказов, практик, представлений о священном или предельном смысле, личного опыта, общин и институтов. Карта помогает ориентироваться, но не устанавливает универсальную границу. Она не обязывает причислять любое сильное убеждение или общественное движение к религии.

Пять вопросов к одной практике

Представим, что мы изучаем ежегодное посещение кладбища одной семьёй. Родственники убирают могилу, кладут цветы и вспоминают умерших. Для кого-то это религиозный долг, для кого-то — семейная традиция, а кто-то приходит, чтобы поддержать старших. Как исследовать этот эпизод, не торопясь с выводами?

1. Что именно происходит?

Сначала описываем действие: кто приходит, когда, что приносит, что говорит или делает. «Родственники убирают могилу и оставляют цветы» — наблюдение. «Они пытаются задобрить мёртвых» — уже толкование, если только сами участники так не объясняют свой поступок.

2. Кто участвует — и кто нет?

Важно узнать, кто организует посещение, кто принимает решения, кто приходит по желанию, а кто чувствует обязанность. Есть ли среди родственников люди, которые не участвуют? Их отсутствие тоже может быть значимым, но не даёт права за них додумывать причины.

3. Какой смысл этому придают участники?

Стоит спросить об их собственных объяснениях. Один человек может говорить о молитве, другой — о памяти, третий — о заботе о живых. Разные ответы не обязательно означают, что кто-то «неправильно понял» обряд. Смысл практики иногда складывается из нескольких слоёв.

4. Какова история практики?

Кто начал ездить на кладбище именно так? Менялись ли дата, слова, состав участников? Связана ли традиция с религиозным календарём или с семейным событием? История позволяет не принимать нынешний вид обычая за его вечную и неизменную форму.

5. Какие существуют разногласия?

Возможно, одни родственники считают посещение священной обязанностью, другие — важным, но необязательным жестом, а третьи не разделяют религиозных представлений, однако приезжают ради семьи. Следует спрашивать не только о согласии, но и о том, кто вправе определять «правильный» смысл обряда.

Эта карта подходит и к молитве, и к посту, и к паломничеству. Например, человек может идти к святому месту ради обета, исцеления, благодарности, семейной традиции или встречи с единомышленниками. Внешне маршрут одинаков, но значения различны. Чтобы понять его, недостаточно посмотреть на карту дороги; нужно слушать тех, кто по ней идёт.

В практическом исследовании особенно важно различать **описание, интерпретацию и оценку**. Описание отвечает на вопрос «что произошло?»: участники трижды поклонились и прочли текст. Интерпретация спрашивает «что это может значить?» — например, поклон выражает почтение или просьбу. Оценка выносит суждение: действие справедливо, полезно, вредно, истинно или ошибочно. Оценивать необходимо, если речь идёт о насилии, принуждении или дискриминации; уважение к традиции не требует закрывать глаза на вред. Но оценка

не должна маскироваться под нейтральное описание, а описание не должно подменяться догадкой.

Уважительное изучение требует ещё нескольких простых привычек. Не записывайте чужую практику как диковинку. Не считайте, что один священный текст автоматически объясняет всех последователей. Не делайте вывод о целом учении по одному поступку. Спрашивайте, можно ли наблюдать, фотографировать или записывать; признавайте, если участники по-разному отвечают на один и тот же вопрос. И помните: человек — не иллюстрация к заранее готовой теории.

Не окончательное определение, а внимательный взгляд

Вернуться к разговору после лекции теперь проще. Мариам описывала религию как доверие и молитву. Алексей — как дорогу, соединяющую его с отцом. Даша говорила о дисциплине ума и сострадании. Ирина предлагала исследовательский взгляд со стороны. Ни один ответ не был полной энциклопедией религии — но каждый открывал важную дверь.

Изучать религию — не значит выбирать одну дверь и объявлять остальные ложными. Это значит замечать, как вера соединяется с телом и памятью, миф — с образом мира, ритуал — с общиной, а личный опыт — с историей и институтами. Мы можем описывать эти связи, проверять свои интерпретации и честно обозначать оценки. Так чужая традиция перестаёт быть плоской картинкой, а знакомое слово «религия» становится приглашением к более точному и человеческому взгляду.

До письменности: истоки верований, обряды и культ предков

Кисть археолога смахивает тонкий слой земли. Из темноты постепенно проступают человеческие кости: согнутые ноги, рука у груди, несколько маленьких раковин. Между костями и грунтом видны красноватые пятна. Рядом — угольки и обломки костей животных.

На мгновение кажется, будто перед нами почти готовый рассказ. Человека бережно положили в могилу, украсили, окрасили красной охрой, а потом устроили поминальную трапезу. Но археолог останавливает эту историю прежде, чем она успевает стать красивой. Уголь мог остаться от костра, который горел здесь задолго до погребения. Раковины могли быть бусами, а могли попасть в слой вместе с песком. Красный цвет — охрой, но ещё нужно выяснить, не окрасилась ли земля естественным образом.

Представим это погребение как собирательную реконструкцию: оно не принадлежит одному конкретному памятнику, но составлено из черт, известных археологам по реальным находкам. Перед нами не окно в мысли умершего и не письмо от тех, кто его похоронил. Это улика. И, как всякая улика, она говорит не сама по себе, а только в пределах того, что мы умеем из неё извлечь.

Могила как улика

Археологи начинают не с вопроса «во что верили эти люди?», а с вопросов более скромных и проверяемых: как лежит тело, нарушен ли грунт, где находятся предметы, каким образом они могли попасть сюда, что происходило в слое до и после погребения?

Наблюдаемое свидетельство

Возможная интерпретация

Степень уверенности

Кости лежат в анатомической связи, тело находится в углублении, отличающемся от окружающего грунта

Тело намеренно поместили в яму и засыпали

Высокая, если следы ямы и расположение костей хорошо сохранились

Положение тела выглядит согнутым

Умершего могли уложить в определённую позу; часть положения могла измениться после смерти из-за оседания грунта

Средняя: нужны данные о сохранности и положении костей

На костях и грунте присутствует красный пигмент

Пигмент могли намеренно нанести на тело или в могилу; возможны и природные причины окрашивания

От низкой до высокой — зависит от химического анализа и рисунка распределения

Раковины находятся у груди и шеи

Они могли быть частью украшения, положенного на тело или надетого при жизни

Средняя или высокая, если видны отверстия, следы нити и устойчивое расположение

Рядом обнаружены уголь и кости животных

Здесь могли готовить пищу или проводить совместную трапезу; однако остатки могли относиться к обычному быту либо к другому времени

Низкая без ясной связи с могилой; выше при наличии особой концентрации и единого слоя

Таблица не превращает осторожность в ответ. Она показывает, где заканчивается наблюдение и начинается интерпретация. Даже «тело лежит в яме» — не окончательная истина, пока исследователи не проверили, не образовалась ли впадина иначе и не переместились ли кости. Но если вокруг тела обнаруживается чёткая граница выкопанного углубления, а кости сохранили естественные связи, версия намеренного погребения становится значительно убедительнее.

Красная охра особенно соблазняет воображение. Она встречается в погребениях разных эпох и регионов; её могли наносить на тело, рассыпать в яме или использовать в иных целях. Красный цвет мог быть связан с кровью, жизнью, теплом, возрождением — но это уже возможные смыслы, а не прямые показания грунта. Археолог может установить наличие пигмента, оценить его количество, распределение и происхождение. Он не может, взглянув на пятно, услышать, что именно этот цвет означал для людей, которые его принесли.

Погребальные практики появились задолго до письменности, но мы не знаем единственной «первой могилы» человечества. Для намеренного погребения есть свидетельства у неандертальцев, хотя отдельные находки и сегодня обсуждаются. У людей современного типа стоянки Схул и Кафзех в нынешнем Израиле, примерно относящиеся к периоду около 120–90 тысяч лет назад, дали останки, интерпретируемые как погребения; в некоторых контекстах рядом обнаружена охра. В пещере Шанидар в Ираке часть останков неандертальцев также считают намеренно захороненными. Знаменитая гипотеза, будто на одно из тел были специально возложены цветы, остаётся спорной: пыльцу могли оставить и естественные процессы.

Эти споры не обесценивают находки. Напротив, они помогают понять, как работает знание о далёком прошлом. Погребение может свидетельствовать о заботе об умершем или о соблюдении правила, но не обязательно доказывает веру в загробный мир. Оно может отражать отношения родства, страх перед телом после смерти, желание расчистить место, память о человеке или сразу несколько причин. Один поступок способен выполнять разные функции для разных участников обряда.

Около 30 тысяч лет назад на стоянке Сунгирь, на территории современной России, были погребены взрослые и дети. В одном из наиболее известных захоронений двух детей сопровождали тысячи бусин из бивня мамонта; рядом находились длинные предметы из бивня. Изготовление такого количества украшений требовало большого труда и времени. Это позволяет говорить о значимости погребения и о сложных социальных практиках. Но выводы о том, кем именно были дети при жизни — наследниками, носителями особого статуса или участниками отдельной родственной истории, — остаются гипотезами. Богатство могилы ещё не сообщает нам, как сами люди объясняли смерть.

Важно помнить и о тех, кто не оставил заметных могил. Кости разрушаются, тела могут быть оставлены на поверхности, погружены в воду, сожжены или захоронены там, где археологам пока не удалось провести раскопки. Отсутствие погребений в археологической летописи не доказывает отсутствия чувств, памяти или обрядов.

Там, где стены помнят

Следы возможных ритуалов обнаруживают не только в могилах. Это изображения на камне, необычные скопления предметов, повторяющиеся действия в одних и тех же местах, следы общей трапезы. Но и здесь исследователя поджидает ловушка: принять необычное за священное.

Около 75 тысяч лет назад в южноафриканской пещере Бломбос люди наносили на кусочки охры геометрические узоры; там же найдены украшения из раковин. Мы можем уверенно сказать, что люди создавали предметы со знаками и формами, а не только добывали пищу и строили укрытия. Но назвать охру религиозным символом — значит выйти за пределы прямого свидетельства. Узоры могли служить знаком принадлежности, украшением, способом запоминания или иметь смысл, которого мы не можем восстановить.

Пещерная живопись тоже не предлагает простого ключа. На стенах в Шове и Ласко — животные, знаки, отпечатки ладоней. Одни изображения перекрывают другие; к некоторым участкам нужно было пробираться в глубину пещеры. Это говорит о том, что выбор места был важен, а сами изображения создавались в определённых обстоятельствах. Но были ли они частью обряда охоты, рассказывали ли истории, учили ли молодых, обозначали ли мифическое пространство или совмещали все эти функции — вопрос открытый. Зубр на стене не становится богом лишь потому, что изображён глубоко под землёй.

С местами поклонения связана та же осторожность. На ранненеолитическом памятнике Гёбекли-Тепе на территории нынешней Турции, относящемся примерно к X–IX тысячелетиям до нашей эры, возводили крупные каменные сооружения с массивными столбами и изображениями животных. Их часто описывают как ритуальные комплексы, однако назначение отдельных сооружений и характер происходивших там встреч продолжают обсуждаться. Возможно, здесь собирались группы людей, проводили обряды и совместные пиры; возможно, эти действия были связаны с устройством сообщества в эпоху перехода к земледелию. Но слово «храм» не должно заранее закрывать расследование: оно предполагает знакомую нам институцию, а доисторическое пространство могло быть устроено иначе.

Чтобы говорить о пиршестве, исследователи ищут не один случайно оставленный череп, а систему признаков: необычно большое количество костей, характер разделки животных, следы приготовления, повторение подобных скоплений в особом месте. Даже тогда возможны разные объяснения. Большая группа могла собраться ради праздника, сезонной охоты, обмена дарами, заключения союза или обыкновенного коллективного дела. Иногда одно событие было всем этим сразу.

Жизнь древних сообществ зависела от сезона. Возвращение определённых животных, созревание растений, разлив реки, появление мигрирующих стад задавали ритм передвижения и встреч. Повторяющиеся собрания могли укреплять отношения между родственными группами и обмен знаниями; общая трапеза — подтверждать союз; обряд перед охотой — помогать людям действовать согласованно. Это не значит, что мы способны восстановить конкретную молитву или миф. Но материальные следы позволяют увидеть, как вера, если мы пользуемся этим широким словом, могла быть вплетена в хозяйство, родство и повседневную необходимость.

Живые связи с умершими

Выражение «культ предков» удобно, но его нужно применять бережно. Оно может создать образ единой системы, в которой умерших регулярно почитают как богов или хранителей рода. Доисторические свидетельства чаще сложнее: они показывают, что люди возвращались к останкам, сохраняли память о могилах, обращались с телами не одинаково и иногда включали умерших в пространство живых.

На памятниках Леванта раннего неолита некоторые человеческие черепа отделяли от скелета и покрывали штукатуркой, придавая лицу выразительность. В Иерихоне найдены группы таких черепов. Это допускает гипотезы о памяти, родстве и особом отношении к конкретным умершим, но не доказывает существования повсеместного культа предков с едиными правилами. В поселении Чатал-Хююк, существовавшем много позже, в VII–VI тысячелетиях до нашей эры, людей хоронили под полами домов. Такое устройство связывало место жизни с местом погребения, однако и здесь точный смысл практики нельзя свести к одной формуле.

Умерший мог оставаться частью семейной истории: присутствовать в пространстве дома, связывать людей с землёй, на которой жили поколения. А мог быть предметом страха, требующим определённого обращения. Эти возможности не исключают друг друга. Обряд часто не отвечает на вопрос «что человек думал о смерти» — он показывает, что группа делала перед лицом смерти, чтобы продолжить жить вместе.

Иногда для объяснения наскальных изображений, необычных погребений или предметов особого назначения исследователи обращаются к понятию шамана — посредника между людьми и духами, специалиста по трансу и исцелению. Сравнительные примеры из обществ, известных этнографам, могут подсказать вопросы, но не дают права автоматически называть древнего человека шаманом. Ни необычная поза скелета, ни изображение животного, ни пещера сами по себе не удостоверяют наличие такой роли. Можно осторожно предположить, что в некоторых сообществах существовали люди с особым знанием обрядов, растений, животных или состояний сознания. Однако археология редко позволяет определить, кем именно они считали себя.

Как не дорисовывать прошлое

Доисторические общества не были ступенями одной лестницы, ведущей от «простых верований» к богам цивилизаций. Мобильная группа охотников, поселение земледельцев, жители речной долины и люди, возвращавшиеся к сезонной стоянке, жили в разных условиях и по-разному организовывали память, труд и отношения с умершими. Где-то оставляли богатые погребальные дары; где-то останки почти не сохранялись. Одни сообщества строили монументальные места собраний, другие создавали знаки на переносных предметах или в пещерах. Ни одна из этих форм не является обязательной ступенью перед следующей.

Если вы рассматриваете археологическую находку — в музее, книге или документальном фильме, — попробуйте короткое упражнение.

1. Отделите наблюдение от толкования. Запишите только то, что действительно видно: «в могиле найден пигмент», а не «умершего подготовили к возрождению».

2. Назовите не менее трёх объяснений. Например, пигмент могли намеренно нанести на тело; он мог попасть в могилу с предметом; окраску мог создать природный минерал.

3. Спросите, какие данные помогли бы проверить версии. Нужны анализ состава пигмента, карта его распределения, точная датировка слоя, сравнение с другими погребениями и проверка того, не нарушалась ли могила позднее.

Этот метод полезен не только для изучения древности. Он учит замечать, как быстро уверенное повествование возникает там, где свидетельства ещё молчат. Археолог не обязан заполнять каждую пустоту красивой догадкой. Его задача — показать, где стоит находка, какие объяснения поддерживаются данными и чего мы пока не знаем.

Мы не можем расспросить людей, оставивших следы у костра. Но можем внимательно изучать землю, сопоставлять повторяющиеся практики, различать надёжные выводы и заманчивые предположения. Погребение рассказывает не готовую историю веры, а историю человеческого внимания: к телу, утрате, родству, месту и памяти. И именно с этой осторожности начинается честное расследование прошлого.

Боги первых цивилизаций: Месопотамия, Египет и античный мир

До рассвета вавилонский пекарь подбрасывает в печь сухие ветви. Торговец проверяет весы, жрец готовится войти во внутреннее святилище, а на улице уже слышны шаги людей, несущих дары. День только начинается, но в нём уже присутствует бог: от его благосклонности, как считают горожане, зависит не только судьба отдельного человека, но и благополучие всего города.

Теперь перенесёмся к Нилу, где жрецы выносят из храма священную барку, и в Афины, где граждане готовятся к празднику Афины. Это не три эпизода одного и того же обряда и не три версии универсальной «древней религии». Перед нами разные миры, в каждом из которых боги, власть, природа и община связывались по-своему.

Сцены ниже — исторические реконструкции, собранные из свидетельств разных эпох. Ни один древний житель не проживал всю историю своей цивилизации сразу. Но такой маршрут позволяет увидеть главное: религия в древнем городе была не отдельной комнатой в жизни, а одним из способов устроить весь дом.

Первая остановка: Вавилон, где город принадлежит богу

Представим Вавилон во время новогоднего праздника. В его центре находится храмовый комплекс Эсагила, связанный с богом Мардуком, а неподалёку возвышается ступенчатая башня Этеменанки. Жители не обязательно ежедневно заходят в главные помещения храма: священные пространства имеют границы, а доступ к ним регулируют жрецы. Но храм присутствует повсюду — в городской памяти, календаре, хозяйстве, торжественных процессиях.

Для вавилонянина Мардук — не просто персонаж мифа. Это покровитель города и сила, от которой зависит его порядок. В поэме «Энума элиш», дошедшей до нас в нескольких рукописях, победа Мардука над чудовищем Тиамат объясняет устройство мира и возвышение бога. Этот текст связан с вавилонской традицией, но его нельзя считать единственной «священной книгой» всей Месопотамии: у разных городов были свои божества, предания и храмовые культы. В Уруке особое место занимала Инанна, в Ниппуре — Энлиль, в Ашшуре — бог Ашшур.

В праздничные дни статую Мардука могли торжественно переносить из храма, а ритуалы связывали наступление нового года с обновлением города и царской власти. Подробности обряда известны благодаря клинописным текстам, но сохранность источников не позволяет восстановить каждую деталь и доказать, что церемонии во все времена проходили совершенно одинаково. Важна сама логика: город не просто отмечал смену календаря — он публично подтверждал, что порядок нуждается в божественной поддержке и правильном управлении.

Царь в этой системе не обязательно представлял как бог в том же смысле, что Мардук. Его роль прежде всего состояла в том, чтобы поддерживать справедливость, заботиться о храмах и выполнять обязанности перед богами. В царских надписях правители рассказывают о строительстве храмов и военных победах, представляя успех как свидетельство божественной помощи. Но надписи — это не нейтральные дневники. Они созданы для того, чтобы закрепить образ хорошего царя, поэтому историк читает в них одновременно и сведения, и политическое заявление.

Источников у нас несколько типов: клинописные хозяйственные документы, гимны, мифы, царские надписи, изображения и археология храмовых комплексов. Они сообщают о разных сторонах религии. Табличка с учётом зерна покажет, что храм участвовал в хозяйственной жизни; гимн передаст язык восхваления; план здания подскажет, как было устроено священное пространство. Ни один такой источник не объясняет всё сразу.

В этом городе божество было не только предметом рассказов. Его статую могли воспринимать как особое присутствие бога, которому приносили пищу, одежду и благовония. Храм был местом культа, но также центром ремесла, хранения продуктов и управления. Называть его только «религиозным учреждением» — всё равно что описывать современный город, упомянув лишь его ратушу и забыв о рынке, мастерских и домах.

Вторая остановка: Фивы, где боги путешествуют по Нилу

В Фивах Нового царства наступает праздник Опет. Жрецы выносят из храмов священные барки Амона, Мут и Хонсу. Сокрытое святилище недоступно большинству людей, но процессия соединяет храм и улицу: можно видеть торжественный ход, слышать музыку, следовать за движением священной барки. Для горожан праздник означает не только встречу с богами, но и обновление связей между храмом, царём и общиной.

Египетский религиозный ландшафт был разнообразен и менялся от эпохи к эпохе. В Мемфисе особенно почитали Птаха, в Фивах — Амона, в Гелиополе — Ра. Некоторые боги отождествлялись, объединялись в новые формы или получали особое значение благодаря политическим переменам. Осирис был тесно связан с представлениями о смерти и посмертной жизни; Хатхор — с музыкой, радостью и защитой; Ра — с солнечным циклом. Это не неизменный список действующих лиц, а сеть местных культов, историй и ритуалов.

Ключевое понятие египетской мысли — маат: порядок, справедливость, правильное устройство мира и общества. Царь был обязан поддерживать маат, противостоя хаосу; его власть мыслилась как имеющая божественное основание. Но не стоит превращать это представление в простую формулу «фараон был богом». Образы царя и его отношения с богами могли различаться, а повседневная человеческая уязвимость никуда не исчезала. Война, болезни, неурожай и политические кризисы не исчезали оттого, что власть провозглашала космический порядок.

О священном мире Египта рассказывают храмовые рельефы, царские надписи, гробницы, погребальные тексты, изображения и папирусы. «Тексты пирамид», «Тексты саркофогов» и то, что сегодня часто называют «Книгой мёртвых», относятся к различным традициям и эпохам. Последнее название может ввести в заблуждение: это не единый обязательный том, а собрания текстов, варианты которых подбирались и оформлялись по-разному. На стенах гробниц и храмов царские образы нередко соседствуют с ритуальными сценами, но изображение не является фотографией обряда. Оно показывает мир таким, каким его хотели представить и сохранить.

Великая политическая перемена тоже не стирала прошлое одним движением. В XIV веке до н. э. фараон Эхнатон придал особое значение культу солнечного диска Атона и основал новую столицу. Иногда это описывают как простое «изобретение монотеизма», однако такая формулировка чрезмерно упрощает сложный и недолговечный период. Изменение затронуло царскую власть, храмовую жизнь и изображения божественного; после смерти Эхнатона прежние культы во многом восстановили. Этот эпизод особенно ясно показывает: религия Египта не стояла на месте, а спорила сама с собой через решения правителей, жрецов и общин.

И храм не исчерпывал религиозной жизни. Домашние амулеты, забота о погребении, память об умерших и просьбы о защите связывали человека с богами за пределами государственных церемоний. Община могла ощущать священное и в храмовом шествии, и в семейном обряде, хотя эти действия занимали разное место в жизни общества.

Третья остановка: Афины, где бог выходит на площадь

В Афинах приближается праздник Панафиней. По улицам движется процессия, направляющаяся к Акрополю, где находится святилище Афины. Праздничное шествие объединяет людей и районы города, а жертвоприношение завершится общей трапезой. Церемония не просто рассказывает о покровительнице Афин — она показывает, кто составляет городское сообщество и кому город обязан своим существованием.

Однако слово «сообщество» здесь не означает, что все жители имели одинаковые права или участвовали во всём на равных. Политическое гражданство в Афинах было ограничено, но женщины играли важную роль в ритуалах; в различных обрядах могли участвовать люди иного статуса. Религиозная жизнь была шире политической, хотя и не стирала социальных границ.

Мы узнаём об афинских культах из разных источников: надписей, остатков храмов, посвященных даров, изображений на вазах, пьес и исторических сочинений. У каждого источника свой угол зрения. Трагедия могла заставить зрителей размышлять о конфликте долга и закона, но не служила точным описанием повседневной службы в храме. Фриз может изображать идеализированное шествие, но не обязан быть его буквальной хроникой. А поздний автор, рассказывая о более раннем времени, мог переосмысливать прошлое в соответствии со своими задачами.

Греческие боги имели местные связи и функции: Афина была особенно важна для Афин, Аполлон — для Дельф, Артемида — для множества городов и святилищ. Но греческий миф не был единой книгой правил. Один сюжет мог иметь несколько версий, а поэт, драматург или община могли по-разному расставлять в нём акценты. Обряды же — жертвоприношения, процессии, обеты, семейные праздники — создавали связь с богами не только через рассказ, но и через действие.

У домашнего порога тоже было своё священное измерение: в семейных обрядах обращались к Гестии, Зевсу и другим божествам, защищавшим дом и род. Параллельно существовали мистерияльные культы, например Элевсинские мистерии, обещавшие посвящённым особый опыт. Их тайны раскрывались не всем, и свидетельства позволяют говорить об их значении, но не воссоздать посвящение до мелочей. Ритуальная жизнь не сводилась ни к официальному празднику, ни к личному убеждению.

Наконец, рядом с мифом и культом развивалась философия. Ксенофан критиковал поэтов за изображения богов, слишком похожих на людей. Платон рассуждал о том, какие истории о богах полезны для воспитания. Эпикурейцы и стоики по-разному говорили о природе божественного и его отношении к человеческой жизни. Но философия не отменила жертвоприношения и праздники, как и культ не остановил размышлений. Перед нами не лестница от «суеверия» к «рациональности», а разные способы спорить о мире и жить в нём.

Сравнительная матрица: божество, власть, ритуал, община

Городской мир

Божество

Власть

Ритуал

Община

Месопотамия

Городской покровитель поддерживает порядок и благополучие города

Царь служит богам, строит храмы и подтверждает право управлять

Храмовые службы, праздники и процессии связывают календарь с судьбой города

Городская жизнь включает храм, ремесло, торговлю и семейные культы

Египет

Местные боги и их формы меняются в разных эпохах и центрах

Фараон обязан поддерживать маат и порядок мира

Храмовые церемонии и торжественные шествия обозначают обновление и связь царя с богами

Священное присутствует в государственных, погребальных и домашних практиках

Афины

Покровительница города связана с локальной идентичностью, но рядом действуют многие культы

Городские институты организуют часть праздников, не контролируя каждую религиозную практику

Процессии, жертвы, обеты и мистерии создают разнообразные формы участия

Религиозная общность пересекается с гражданством, но не совпадает с ним

Сравнение помогает увидеть сходство, не стирая различий. Во всех трёх случаях ритуал связывал календарь с жизнью города, а представления о богах влияли на то, как понимали власть. Но в Вавилоне особенно заметна роль городского бога и храмового хозяйства; в Египте — связь царской власти с маат и меняющимся ритуальным ландшафтом; в Афинах — переплетение местных культов, гражданских праздников, семейных обрядов и философских споров. Даже внутри одного общества религиозная практика не была одинаковой для всех.

Римский город добавил бы к этой картине собственные акценты: культы домашних Ларов и Пенатов, государственные жреческие должности, гадания по ауспiciям и, в имперскую эпоху, почитание императора. Это не «греческая религия под другим именем», хотя римляне заимствовали и переосмысливали множество греческих божеств. Сравнить античные традиции полезно именно затем, чтобы заметить не только родство, но и различие.

Есть простой способ читать свидетельства о древних богах, не превращая их в набор любопытных легенд. Выберите один источник — например, храмовый рельеф, миф или надпись — и задайте ему четыре вопроса. Кто его создал и для кого? Где и когда он был создан? Какую картину мира он предлагает или поддерживает? О чём он умалчивает? Затем сравните его с источником другого типа: миф — с археологией, царскую надпись — с хозяйственной табличкой, изображение — с описанием праздника. Так становится заметно, что древняя религия жила не только в словах о богах, но и в распределении труда, устройстве улиц, праздничном календаре и повседневных обязанностях.

Горожанин древнего мира просыпался не просто «в эпоху мифов». Он входил в день, где священное задавало ритм общественной жизни, но не отменяло споров, перемен и человеческой неопределённости. Боги могли быть хозяевами города, хранителями космического порядка или участниками философского вопроса; храм — хозяйственным центром, сценой праздника и пространством тайны. Понимая эти различия, мы перестаём видеть в древних цивилизациях одно общее прошлое и начинаем слышать множество голосов, каждый из которых по-своему объяснял, как человеку жить среди других — и перед лицом невидимого.

Религии Южной Азии: индуизм, джайнизм, буддизм и сикхизм

На перекрёстке пыльной дороги путешественник спросил, куда идти человеку, который хочет прожить жизнь не напрасно. Торговец указал на храмовый город: там, сказал он, ищут Бога и учатся исполнять свой долг. Монах предложил отказаться от лишних привязанностей. Другая путница заговорила о том, что нельзя причинять вред ни одному живому существу. А человек в синем тюрбане пригласил странника разделить с общиной простую еду: путь, объяснил он, проверяется не только молитвой, но и служением людям.

Эта сцена вымышлена, но вопрос на перекрёстке подлинный. Южная Азия на протяжении многих веков была пространством встреч и споров: здесь менялись царства, торговые пути, языки и формы духовной жизни. Возникали традиции, которые задавали человеку сходные вопросы — что связывает поступки и их последствия, почему люди страдают, как преодолеть ограниченность собственного «я», — но отвечали на них по-разному. Индуизм, джайнизм, буддизм и сикхизм нельзя сложить в одну «восточную мудрость». Это самостоятельные религиозные миры, внутри каждого из которых звучит множество голосов.

Общее пространство — разные маршруты

Слова «Южная Азия» обозначают не одну страну и не неизменную цивилизацию. В разные эпохи речь шла о территориях, которые сегодня относятся, среди прочего, к Индии, Пакистану, Непалу и Бангладеш; их границы и политические связи постоянно менялись. Здесь жили люди, говорившие на десятках языков и принадлежащие к разным общинам. Учения передавались устно и в рукописях, обсуждались при дворах и в монастырях, звучали в храмах, домах и на рынках.

Уже в первом тысячелетии до нашей эры, особенно в северной части субконтинента, происходили процессы, которые меняли общественную жизнь: росли города и государства, развивались торговля и новые формы политической власти. В этой среде существовали ведические ритуальные традиции, и рядом с ними появлялись движения странствующих отшельников и учителей — шраманов. Они спорили о жертве, аскезе, поступках и освобождении. Джайнизм и буддизм сформировались в этом сложном мире, но не как простые ответвления одной религии и не в результате единственного раскола. Их история — история самостоятельных поисков и многовековых контактов.

Само слово «индуизм» объединяет широкое семейство традиций, а не одну церковь с единым руководством и обязательным для всех верующих символом веры. В этом семействе есть разные представления о высшей реальности, душе и спасении. Кто-то прежде всего почитает Вишну и его воплощения, кто-то — Шиву или Богиню; для других особенно важны домашние обряды, философское исследование, йога или преданность учителю. При этом древние тексты, местные божества, семейные обычаи и новые религиозные движения не просто сменяли друг друга: они взаимодействовали, спорили и сосуществовали.

Индуистские дороги: долг, поступок, освобождение

Четыре понятия помогают разобраться в некоторых влиятельных индуистских представлениях: **дхарма**, **карма**, **сансара** и **мокша**. Их удобно представить как части одной карты, но важно помнить, что разные традиции прочерчивают на ней разные маршруты.

Дхарма может означать порядок, обязанность, учение, нравственное правило или образ должной жизни. Её смысл зависит от контекста. В эпическом повествовании дхарма героя может состоять в том, чтобы принять трудное решение в условиях конфликта обязанностей. В повседневной жизни речь может идти о верности семье, честности или заботе о других. Понятие также использовалось в разговорах о социальной организации — и потому история

дхармы связана не только с нравственными поисками, но и с неравенством и борьбой за власть. Социальные категории, включая кастовые, нельзя считать вечным и неизменным «духовным законом»: их содержание менялось, а сами иерархии оспаривались религиозными учителями и общественными движениями.

Карма — поступок и его последствия. Во многих индуистских учениях действия человека влияют на его положение в будущем, в том числе в следующих рождениях. Это не всегда означает простую схему «плохой поступок — немедленное наказание». Последствия могут зависеть от намерения, исполнения долга и накопленной истории действий.

Сансара — круговорот рождений и смертей. **Мокша** — освобождение от этого круговорота. Но и здесь нет одного ответа на вопрос, что именно означает освобождение. В одних философских школах оно связывается с постижением глубинного единства атмана и Брахмана; в других сохраняется различие между душой и Богом. В традициях бхакти путь к освобождению может пониматься через любовь и преданность личному божеству, а также через его милость. Сходные слова, таким образом, не гарантируют одинакового учения.

Для многих верующих духовная жизнь не сводится к чтению философских текстов. Она может включать домашнюю пуджу, посещение храма, паломничество, повторение мантр и участие в праздниках. Важную роль играет **даршан** — встреча взглядами с божеством, присутствующим в храмовом образе. Называть такой образ просто «идолом» — значит потерять существенную часть смысла: верующий не обязательно считает камень или металл божеством сам по себе. Образ может быть местом встречи с божеством, которое в религиозной жизни переживается как присутствующее.

Попробуйте мысленно сравнить два пути. Один человек ежедневно совершает короткий домашний обряд: зажигает лампу, произносит молитву и предлагает пищу божеству. Другой сосредоточен на медитации и изучении философии. Нельзя по внешней разнице решить, кто из них «ближе к сути» индуизма. В этой широкой традиции именно многообразие практик — не случайная деталь, а часть её исторического устройства.

Джайнизм: ахимса как строгая дисциплина

Для джайнизма центральный вопрос звучит остро: как душе освободиться от того, что привязывает её к кругу перерождений? Джайны верят в множество живых душ — **джив**. Карма здесь понимается не только как нравственный принцип, но и как тонкая материя, связывающая душу и мешающая ей обрести освобождение. Цель духовной дисциплины — прекратить такое связывание и очистить душу.

Особое место занимает **ахимса**, ненасилие и непричинение вреда. Его радикальность связана с представлением о жизни как о ценности, присутствующей в самых разных формах. Для монахов и монахинь джайнских общин правила могут быть чрезвычайно строгими: они внимательно следят за тем, чтобы по возможности не повредить живым существам. Миряне, как правило, принимают менее строгие обеты, соответствующие жизни в семье и обществе. Распространённость в джайнских общинах вегетарианства связана с этими этическими идеалами, хотя конкретные обычаи и степень строгости различаются.

Махавиру часто называют основателем джайнизма, однако для самих джайнов он — двадцать четвёртый тиртханкара, то есть учитель, указавший путь через поток рождений и смертей. Историки обычно относят его деятельность к середине первого тысячелетия до нашей эры; точные даты остаются предметом обсуждения. Джайнские общины со временем разделились на крупные направления, включая шветамбаров и дигамбаров, с различиями в ритуале, монашеской дисциплине и толковании отдельных вопросов.

В джайнской мысли есть также **анекантавада** — представление о многосторонности реальности. Оно напоминает, что ограниченный наблюдатель не способен исчерпать предмет одним описанием. Это не означает, будто все утверждения одинаково верны: скорее, требуется понимать, с какой стороны и в каких пределах сформулировано суждение. В бытовом споре

такая установка могла бы выглядеть просто: прежде чем ответить собеседнику «ты не прав», спросить, какую часть реальности он видит, а какую — я.

Буддизм: увидеть страдание и пройти путь

Буддизм связан с учением Сиддхартхи Гаутамы, которого называют Буддой — пробуждённым. Он учил в Северной Индии в первом тысячелетии до нашей эры; точная датировка его жизни обсуждается. Его учение начинается не с призыва мрачно смотреть на мир, а с внимательного взгляда на человеческий опыт: радость изменчива, привязанность приносит тревогу, а жизнь не подчиняется нашему желанию удержать всё неизменным.

Четыре благородные истины описывают страдание и неудовлетворённость, их причины, возможность прекращения и путь к этому прекращению. Одно из ключевых понятий — **непостоянство**: состояния и явления меняются. Другое — **не-я**, или отсутствие постоянного, неизменного «я», которое можно было бы обнаружить за потоком опыта. Это не утверждение, что людей не существует или что поступки не имеют значения. Речь идёт о том, что человек не является неизменной сущностью, независимой от тела, чувств, мыслей и условий жизни.

Путь практики включает нравственную дисциплину, развитие внимания и мудрости; его классическое изложение известно как Благородный восьмеричный путь. Буддийскую цель освобождения называют нирваной, однако не стоит превращать это слово в удобную метафору «полного спокойствия». В буддийских традициях оно связано с прекращением жажды, неведения и причин страдания, а его подробные толкования различаются.

Буддизм иногда описывают как философию без ритуалов, но это описание не подходит для реальных буддийских обществ. С самого начала важную роль играла **сангха** — община практикующих, особенно монашеская. Миряне поддерживали монахов подношениями и участвовали в обрядах; монастыри были не только местами медитации, но и центрами обучения, памяти и общественной жизни. В разных странах распространены чтение священных текстов, песнопения, паломничество, почитание реликвий и подношения. Они не обязательно противостоят медитативной практике: могут быть другими способами участия в буддийской жизни.

Веками буддизм развивался в разных направлениях. Тхеравада широко представлена, например, в Шри-Ланке и странах материковой Юго-Восточной Азии; махаяна — в Восточной Азии; ваджраяна связана, среди прочего, с Тибетом и Гималаями. Это не просто три «уровня» одной лестницы, а исторически сложившиеся традиции с собственными текстами, институтами, обрядами и идеалами. Распространению буддизма способствовали монашеские сети, торговые связи и поддержка властителей, в том числе императора Ашоки в III веке до нашей эры. Но его история — не одно путешествие из Индии в другие земли: это сеть взаимных преобразований, переводов и местных решений.

Сикхизм: помнить Бога, трудиться и делиться

Сикхизм сформировался в Пенджабе в конце XV — XVI веках. Его основателем считается Гуру Нанак, за которым последовали ещё девять человеческих гуру. Позднее статус вечного гуру получила священная книга — **Гуру Грантх Сахиб**, которую сикхская община почитает как живое духовное руководство. Поэтому сикхизм не следует описывать как простую смесь индуизма и ислама. Он возник в многоязычной и религиозно разнообразной среде, вступал с ней в диалог, но выработал собственные учения, тексты, формы общинной жизни и представление об авторитете.

В центре сикхской веры — единый Бог, которого не ограничить человеческими образами и категориями. Духовная жизнь включает памятование имени Бога и чтение или пение гимнов. Но вера не уводит человека из мира: её проверяют в труде и отношениях с другими. Три часто упоминаемых принципа сикхской жизни — помнить Бога, честно трудиться и делиться с нуждающимися. Их можно узнать не только в молитвенном собрании, но и в устройстве общины.

Одна из самых узнаваемых практик — **лангар**, общая трапеза при гурдваре, сикхском месте поклонения. Еда готовится и подаётся добровольцами; за ней собираются люди независимо от их достатка и положения. Лангар не отменяет автоматически всех социальных различий, существующих в обществе, но воплощает важный идеал равного достоинства и совместного служения — **сева**.

В 1699 году десятый гуру, Гуру Гобинд Сингх, учредил хальсу — общину посвящённых сикхов. Для многих членов хальсы важны пять знаков, известные как «пять К»: они выражают религиозную принадлежность и дисциплину. Впрочем, повседневная практика сикхов разнообразна, и нельзя предполагать, что каждый сикх одинаково соблюдает все предписания. Как и другие живые традиции, сикхизм включает разные общины, интерпретации и формы участия.

Четыре вопроса для сравнения

Чтобы не смешивать эти пути, полезно задавать каждой традиции одни и те же вопросы. Ответы на них не заменят изучения текстов и жизни общин, но помогут увидеть и сходства, и различия.

Вопрос

Индуистские традиции

Джайнизм

Буддизм

Сикхизм

Как понимаются мир и личность?

Ответы различаются: от разных отношений души и Бога до учений о единой высшей реальности; важны обязанности и связь поступка с последствиями.

Существует множество живых душ; карма связывает их с кругом перерождений.

Опыт непостоянен; постоянное независимое «я» не обнаруживается.

Бог един; человек призван помнить о Боге и жить в справедливой связи с другими.

В чём цель духовного пути?

Во многих традициях — мокша, освобождение от сансары, но её смысл трактуется по-разному.

Освобождение души от кармических связей и прекращение круговорота рождений.

Нирвана — прекращение причин страдания и освобождение.

Жизнь в памятовании о Боге, праведности и служении; не уход из мира, а преобразование жизни.

Что делает практика?

Обряд, преданность, учёба, йога и другие пути могут иметь разное значение.

Дисциплина и непричинение вреда уменьшают кармические связи.

Нравственная жизнь, медитация и мудрость поддерживают путь освобождения.

Молитва и гимны соединяются с честным трудом, щедростью и служением.

Какую роль играет община?

Семья, храм, местная традиция, учитель и паломничество могут быть важны по-разному. Монашеские и мирские общины взаимно поддерживают практику.

Сангха хранит учение и обычаи; миряне и монахи связаны взаимными обязательствами.

Гурдвара, чтение священной книги, лангар и сева делают веру общим делом.

Можно выполнить небольшое практическое упражнение. Возьмите четыре листа или разделите страницу на четыре колонки. Для каждой традиции запишите ответы на три вопроса: «Что здесь считается проблемой человеческой жизни?», «Какой путь предлагает учение?» и «Что человек делает вместе с другими?» Затем отметьте слова, которые на первый взгляд кажутся похожими, например «карма», «освобождение» или «община». Рядом запишите, что именно они означают в каждой традиции и где их смыслы расходятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.